

LILA 444

19:13

18+

LILA 444

19:13

*<https://litres.ru/74299247>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Роман-мозаика «19:13», созданный коллективом авторов, частично основанный на реальных событиях, погружает читателя в мир магического реализма, где реальность — лишь одна из множества граней бытия.

Амалия обнаруживает то, чего не замечают другие: мир на грани катастрофы, которая угрожает всем измерениям сразу. Чтобы остановить её, Амалия должна собрать команду из самых неожиданных помощников.

Каждая глава — это фрагмент мозаики: история нового союзника, рассказанная в уникальном стиле и раскрывающая свой уголок многомерной вселенной.

Погрузитесь в калейдоскоп миров, где магия обыденна, а границы возможного стираются.

Роман не претендует на историческую достоверность. Совпадения имён и названий случайны.

Содержание

Пролог	4
Амалия 2015 г.	6
Адриан Левек (двенадцатый) 1913 г.	14
Мирра Августовна Новицкая (одиннадцатый) 1913 г.	21
Амалия 2017 г.	28
Анна Архиповна Светлова (десятый) 1913 г.	32
Азалия Дмитриевна Смирницкая (девятый) 1913 г.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

LILA 444

19:13

Пролог

2025 г.

Alea iacta est

Жребий брошен

– Маша, надо ускориться... Время на исходе... кристалл почти погас.

– Я всё рассчитала. Тринадцать человек. Вот список.

– Но здесь же только двенадцать...

– Тринадцатый сам появится.

– А как мы их соберём?

– Как обычно... Здесь-то как раз всё просто.

– А что тогда сложно?

– Держать баланс. 1913... Больше ста лет прошло. Надо постоянно фиксировать пространство, ты одна не сможешь.

– И сколько времени для этого нужно?

– Полгода... никак не меньше. Значит, план такой. Ты ведёшь свои уроки. На двадцать седьмое октября должен быть назначен бал. Кристалл у нас есть. Книга у тринадцатого... Но с ним может возникнуть проблема...

– Что за проблема?

– При расчётах вылезает погрешность, перепроверяла много раз... Видимо, это входит в задачу. Он не должен знать, что он тринадцатый. Но и упустить его нельзя.

– Понятно... И что в итоге?

– Если всё сделаем правильно, то будет перезапуск.

– Хорошо.

– Будем действовать по обстоятельствам. Как назовём проект?

– Lila 444.

– Записала. Готова?

– Да.

Амалия 2015 г.

Nihil est

Ничего нет

Аплодисменты были долгими. Некоторые из зрителей тайком вытирали слёзы.

Да... плакать в наше время неприлично, этим можно выдать себя и показать свои чувства. А чувства теперь не в моде.

Амалия вызвала такси. Она не задерживалась надолго после своих концертов, всё время чего-то не хватало. Да, люди плакали, отзывались на созданное ею действие, но... говорили банальности, дежурные фразы, отводили взгляд, будто бы её музыка проникала туда, куда нельзя – в чём нельзя признаться. Ведь если в этом признаться, то получишь осуждение. Такие времена...

С пятью букетами цветов, еле поместившись в такси, Амалия привычно и устало погрузилась в свои мысли. Ехать было долго. Как хорошо, что таксисты в Москве неразговорчивы, не нужно улыбаться и отвечать на глупые вопросы.

Амалия не помнила, как музыка пришла в её жизнь. Будто бы она была всегда. Да и другие воспоминания моментально стирались, как только она пыталась сосредоточиться на них.

Поэтому она решила жить сейчас, сегодняшним днём.

Ну, раз пока такая ситуация.

Где-то под цветами, на соседнем сидении, внезапно завибрировал телефон.

«Как не вовремя...» – с досадой подумала Амалия.

Она всегда могла определить, кто звонит. Близкие звонили, когда ей было удобно разговаривать. Значит, сейчас это непонятно кто...

С трудом откопав в букетах телефон и пару раз больно уколовшись розами, она взяла трубку:

– Алло...

– Здравствуйте, извините пожалуйста за беспокойство, простите, что так поздно... – засуетилась трубка.

Амалия устало вздохнула. Это на вокал. Трубка продолжила:

– ... я бы очень хотела записаться к вам на вокал. Ваш телефон мне дала подруга, она у вас занималась три месяца назад, но потом не смогла... но была в таком восторге, до сих пор всем про вас рассказывает... – тараторил голос.

Амалия вообще-то никогда не хотела быть педагогом по вокалу, более того, от слова «вокал» её передёргивало и хотелось чихать. Вот кто мог додуматься так назвать прекрасный процесс пения?

«В вашем присутствии мне кажется, что я хорошо пою» – с этой фразы одной молодой актрисы всё и началось. К Амалии постепенно выстроилась очередь из желающих петь. И через год она уже была модным педагогом.

– Завтра в одиннадцать приходите, – бесцветным голосом

сказала она и нажала отбой.

Амалия жила в Москве и работала в этом театре уже пять лет. До этого был ещё театр, а до этого – ещё... и все они – в разных городах.

«А ведь я совсем не знаю, чего хочу...»

За окном такси проплывали улицы – яркие, сияющие, красивые. Это всё радовало глаз и немного отвлекало от тяжёлых мыслей.

Уроки Амалии были необычны: у её студентов могло совсем не быть способностей, но довольно быстро петь получалось у всех. А иногда! В бесконечном потоке учеников появлялся ТОТ, КТО МОГ... Пробуждать голосом чувства. Именно это и стало началом её «театральных экспериментов», именно это примиряло её с уроками, со скукой и однообразием дней.

За окном замелькали знакомые дома, такси проезжало мимо станции метро «Академическая».

«Минут через пять буду дома».

Такси остановилось на светофоре за машиной с номером 444.

«Что-то часто стало встречаться это число...»

Здание театра, откуда ехала Амалия, было под номером 44. Почти вся её жизнь была наполнена символами и знаками, а иногда – даже просто переполнена, и она легко считывала их, но... не могла разгадать.

Это мучило. Так бывает, когда не можешь вспомнить

очень простое слово, которое витает где-то поблизости. Как будто бы часть памяти потерялась в тумане и ждёт, когда её найдут.

«Сейчас бы в горячей ванне полежать...»

Нет, это роскошь... к завтрашнему утру должна быть готова песня. За неё, как обычно, не заплатят. Но это не важно... Обещала ведь, значит надо сделать.

Почему-то не хотелось работать за деньги... Что-то в этом было не то. Да и слово «работать» неприятно звучало. Музыкой хотелось жить. Она помогала всегда, даже когда казалось, что выхода нет...

Как-то раз ей предложили написать музыку к мультфильму в стиле Диснея. Гонорар обещал исполнить все мечты! Но Амалия отказалась. Не любила мультфильмы. Да и мечты были другие, такие не купишь.

А вот когда был вызов..., например, написать мюзикл за короткий срок, и гонорар при этом не обсуждался – вот тогда да... тогда творческая энергия не имела границ. Амалия выпадала из реальности, жизнь начинала искриться и реагировать нестандартно на её нестандартные решения. И было интересно!

Такси завернуло во двор. Амалия любила это место. Почти центр города, но тишина, окружавшая зелёный район, позволяла забыть об этом. Небольшая старенькая квартира, которую она снимала, появилась как всегда «случайно» и стала для неё уютным домом, её маленьким миром.

Аккуратно расставив букеты в двух- и трёхлитровые банки, она села за пианино. Цветы сиротливо стояли вдоль стены. В квартире не было ни одной вазы, хотя студенты всё грозились подарить их. Амалия отвечала на это:

– Вещей должно быть ровно столько, чтобы они могли поместиться в двух чемоданах.

И эта фраза, с каждым её переездом, звучала всё более философски.

Был третий час ночи. Музыка не приходила.

Она сидела в самолёте, который набирал скорость, готовясь к взлёту.

«Я же не летаю самолётами! Как я здесь оказалась?!» Но в этот раз страха почему-то не было... Лайнер взлетел, быстро набирая высоту.

– Уважаемые пассажиры, – раздался голос, – мы летим в Бурятию.

Амалия огляделась по сторонам, салон был пуст. Голос продолжал:

– Большая просьба – не смотреть в окно. Усилившийся рёв двигателей сообщил о том, что скорость приближается к реактивной. Она всё-таки осмелилась посмотреть в окно. Там алел закат невероятной красоты. Или это не закат?

«А может это и не самолёт?» – подумала она и поняла, что теперь находится в автобусе, который едет по улицам Улан-Удэ.

Впереди показалась башня в средневековом стиле.

– А вот и наш торговый центр! – произнёс голос справа.

– Большая просьба – не смотреть в окно.

Лифт в башне стремительно поднял Амалию на этаж под номером тринадцать.

Седой мужчина сосредоточенно настраивал пианино, крутил шестерёнки, то натягивая, то ослабляя одну и ту же струну. Амалия стояла возле него уже какое-то время, но он не поднимал головы. Она чувствовала, что обязательно должна его о чём-то спросить, но мысль ускользала...

«Так было уже много раз... Я должна, должна это вспомнить!»

Звук настраиваемой струны звенел во всём теле, отражался гулким эхом от стен, и ей показалось, что и она сама стала этим звуком, заполняющим всё вокруг.

– Здесь... что-то есть? – наконец услышала она свой голос, и тут же наступила оглушительная тишина, как будто все в мире звуки исчезли.

– Ничего нет.

...Амалия открыла глаза. На чёрном фоне экрана белыми буквами было написано:

«Конец фильма»

«Надо же... заснуть в кинотеатре. Надо разгрузить расписание...»

Хотелось курить. Она поискала сумку, но не нашла.

«А почему я в халате?»

Откуда-то потянуло сквозняком. Амалия направилась к выходу.

«Снег... Сейчас же май...»

Мимо проезжала закрытая карета. Лошадей и кучера почему-то не было. Штора приоткрылась, и Амалия увидела того же самого седого мужчину:

– Ничего нет...

Она открыла глаза. Электронные часы в виде кинохлопушки показывали:

4:44

Хотелось курить. Она встала и пошла на кухню. Включила чайник и привычным движением достала сигарету из портсигара.

«А где это я была?»

Ощущения были такими знакомыми, даже родными... словно так было всегда.

С удовольствием вдыхая дым, Амалия посмотрела в окно. Майский рассвет уже проступал сквозь сумерки утра. Его краски – бордовые, необычные, превратили двор за окном в нечто нереальное и волшебное. И чем-то напоминали её сон.

«Я же так и не написала песню, – вспомнилось вдруг. – Ничего нет...»

И тут...

Музыка полилась потоком...

Всё то, что она вчера мучительно пыталась сочинить, стремясь найти логику в сочетании нот между собой, ВСЁ

вдруг стало простым и понятным и превратилось в единственно возможный вариант.

«Надо успеть! Успеть записать...»

Адриан Левек (двенадцатый) 1913 г.

Sanguis super omnia

Кровь превыше всего

– Господа артисты, наше представление имело грандиозный успех! – воодушевлённо сообщил директор цирка.

Гастроли закончены. Вы две недели самоотверженно работали без отдыха и не могли осмотреть красоты этого прекрасного города на Неве. Теперь такая возможность есть! Гуляйте, отдыхайте! Только не проспите наш отъезд домой, в Мадрид. Сбор завтра в 9:00.

Труппа радостно заплодировала. Артисты группами начали расходиться, оживлённо строя планы на ближайший вечер. Через несколько минут площадь перед цирком опустела. Адриан остался один. Он рассеянно огляделся и не спеша направился в сторону Невского.

Над Петербургом сгущались лиловые сумерки, не похожие на те, которые он привык видеть в Мадриде. Там закат был огненным, полным страсти и хаоса, здесь же – бархатистым, как театральный занавес, скрывающий не драму, но великую тайну.

«Странно, – подумал он, – такое ощущение, что я уже был здесь...»

Адриан родился в испанской провинции Ла Риоха двадцать два года назад, в очень богатой известной семье виноделов. У него было пять сводных сестёр: три старших и две младших. Они были избалованы и капризны. Его родная мать умерла при родах, и с младенчества мальчик был лишён материнского тепла и нежности. Упомянуть о матери в их семье было запрещено, поэтому он не знал, кто она и какая была. Он даже не мог представить её образ, чтобы создать свой тёплый мир хотя бы в воображении. Мальчик был очень одинок.

Мачеха не любила Адриана и всеми силами пыталась подарить семье другого наследника, но рождались одни девочки. А отца интересовал только урожай винограда и прибыль.

В раннем детстве Адриан пытался привлечь его внимание, но всё время наталкивался на холод. Иногда мальчик ловил на себе задумчивый взгляд, обычно хмурое лицо отца прояснялось и светлело. Но свет быстро таял.

Однажды отец взял мальчика с собой в Мадрид на благотворительную ярмарку. Он хотел найти новых партнёров для сбыта вина. До этого Адриан никогда не видел такого количества людей, не слышал столько разных звуков и не ощущал столько незнакомых непривычных запахов.

Он с любопытством оглядывался по сторонам, пока его внимание не привлёк разноцветный шатёр цирка, возле которого ходили странные люди с раскрашенными лицами. Как

заворожѣнный, Адриан потерял счёт времени, стоял и смотрел, не в силах отвести взгляда.

Вдруг кто-то схватил его за руку. Мальчик испуганно вздрогнул и обернулся. Старая цыганка, не моргая, смотрела на него чѣрными бездонными глазами. Адриан хотел выдернуть руку, но старуха наклонилась к нему и сказала шѣпотом: – Ты будешь петь, но твой голос будет не звуком, а знáком. Ты будешь смеяться, но за смехом будут тени. Кровь превыше всего...

От страха он зажмурился, а когда открыл глаза, рядом уже никого не было.

С тех пор Адриан стал замечать, что с ним начали происходить странные вещи. Когда в дверях звонил колокольчик, мальчик безошибочно определял, кто стоит за дверью. Ему начали сниться сны, которые предсказывали ближайшие события. Все вкусы и запахи обострились. Иногда он чувствовал, что слышит мысли, и это не радовало. Его одиночество стало совсем невыносимым. Не было никого, с кем бы он мог поговорить о том, что с ним происходит.

В день восемнадцатилетия отец вызвал сына в свой кабинет и объявил, что отныне Адриан наследник, и ему предстоит вникать в дела.

В ту же ночь Адриан сбежал.

Он хотел отыскать ту старую цыганку и спросить, что означали её слова. Юноша поехал в Мадрид, чтобы найти цирк, возле которого её встретил.

Цыганку Адриан не нашёл. Но директор цирка, поражённый его даром предвидения, тут же предложил ему работу. С тех пор Адриан гастролировал по миру, удивляя всех своими способностями.

Он приобрёл колоду Таро и полностью погрузился в мир мистики и волшебства. А ещё Адриан прекрасно пел. Спустя год он написал отцу, что нашёл свой путь, но ответа не получил.

Похолодало. Тёмные дома Питера задумчиво смотрели на Адриана глазами-окнами, будто что-то хотели сказать. Предчувствие, совсем новое, не похожее на все прежние, пришло неожиданно, и он ускорил шаг.

Полностью погрузившись внутрь себя, Адриан свернул с шумного проспекта на небольшую незаметную улочку. Ноги сами куда-то вели. Поворот, ещё поворот.

«Так можно и заблудиться» – промелькнуло у него в голове.

Но предчувствие настойчиво звало дальше. Теперь он почти бежал.

Ещё через несколько поворотов, юноша зашёл в арку, оказался у крыльца неприметного, но довольно большого дома и остановился, тяжело дыша.

«Это здесь» – понял он.

Дверь была слегка приоткрыта. И за ней кто-то был. – Я знала, что ты придёшь...

От глубокого женского голоса по телу Адриана пробежала дрожь.

– Входи.

Адриан не заметил, как оказался в центре просторной гостиной, где тяжёлые портьеры, вытканные золотой нитью, поглощали свет. Здесь время текло по другим законам, превращая дни в нескончаемую ночь. Гостиную освещал камин и множество свечей, а каждая тень казалась ожившей фигурой из его Таро.

Хозяйка дома, таинственная дама, была словно Королева Мечей – острая, пронизательная, облечённая властью, которую не искала, но которой владела. Она была загадочна и красива, но её красота отличалась от обычной внешней красоты женщин, которых он знал. Совершенно невозможно было определить сколько ей лет.

Его мир сжался до одной комнаты в особняке, где даже воздух казался густым от невысказанных слов, запаха старого пергамента и воска свечей.

– Меня зовут Мирра, – сказала женщина, – а тебя...

– Адриан Левек, – ответил он.

– Расскажи мне о себе.

Впервые за всю его недолгую жизнь он начал рассказывать... про всё – про свои мысли, чувства, страхи, ожидания.

Она внимательно его слушала, иногда задавая точные и мудрые вопросы, от которых он открывался всё больше и больше. Адриан рассказывал о снах, которые не просто по-

казывали будущее, а давали почувствовать его вкус – вкус горькой полыни или сладкого вина, в зависимости от грядущего события.

С ней Адриан, впервые за много лет, осмелился снять цирковую личину, которая смеётся и поет о грусти, не позволяя грусти коснуться себя. Они говорили...

Глядя на Мирру, Адриан ощущал не просто глубокую симпатию, но чувство, похожее на гравитацию. Казалось, она была для него маяком, на свет которого его душа летела не одну тысячу лет. Он уловил в её глазах отблеск древней звезды – Звезды из его колоды, символа надежды и связи между мирами.

Он, Адриан Левек, певец и провидец, чувствовал, как её образ, тёплый и успокаивающий, в то же время был пронизан нитями необъяснимой древней печали. В её присутствии дар Адриана обострялся, но не для пророчеств о внешнем мире, а для познания мира собственного.

– Расскажи о своей матери, – попросила Мирра.

– Она умерла при моём рождении, больше я ничего не знаю о ней. Мне нельзя было спрашивать.

В гостиной, словно от сквозняка, погасло несколько свечей.

Казалось, что время остановилось. Они продолжали говорить, и отзвуки их слов растворялись в вечности.

Неожиданно часы пробили двенадцать. Это был первый звук, бесцеремонно ворвавшийся в их пространство.

– Уже полночь, – сказал Адриан.

– Это полдень, – с улыбкой ответила Мирра.

Он пропустил отъезд и это был разрыв нити, связывавшей его с прошлой жизнью. Кочующий цирк, его единственная семья и его маскарад, теперь был далёк, уносимый ветром на юг, как колесница с оторванным колесом.

«Моя жизнь изменилась?» – подумал Адриан.

«Нет... – ответил ему внутренний голос, – ты просто вернулся домой»

– Иди отдохни, сегодня вечером мы идём на бал, – буднично сказала Мирра, будто говорила ему такие слова каждый день. Для тебя подготовили гостевую комнату.

«Странно... она словно знала, что будет так...» Но на удивление уже не хватило сил.

Адриан поднялся, каждый шаг давался ему с трудом, он был переполнен событиями и эмоциями этой ночи.

– Постой, – вдруг произнесла Мирра, и её голос дрогнул.
– А что ты хотел спросить тогда у той цыганки?

Адриан обернулся.

– Я хотел узнать кто я...

Мирра странно смотрела на него, как будто не решаясь что-то сказать. А затем медленно произнесла:

– Ты родился в России. Здесь... в Петербурге.

Мирра Августовна Новицкая (одиннадцатый) 1913 г.

Memento vivere

Помни о том, что нужно жить

Тяжёлые шторы были плотно задёрнуты. Впрочем, как и всегда на спиритическом сеансе. Красные и чёрные свечи отбрасывали причудливые тени, которые танцевали на стенах, потолке и напряжённых лицах тех, кто сидел за большим круглым столом. Все ждали, когда появится Она. Та, которой позволено проникать за пределы этого мира.

Мирре отчего-то было не по себе. Она стояла за полуоткрытой дверью, вглядываясь в лица людей, которые пришли сегодня и пыталась понять причину этой странной тревоги, но... всё было, как всегда.

Уже десять лет, как она была модным медиумом. В последнее время спиритические сеансы стали стремительно набирать популярность, и если раньше она проводила по одному сеансу в неделю, то теперь желающих набиралось на три. Всем было любопытно, что же находится там, за чертой, за гранью...

Кроме этого, Мирра гадала на Таро. Весь свет Санкт-Петербурга тайком ходил к ней. Посетители опасались встретить знакомых, поэтому в её доме было два чёрных входа.

Таким образом никто ни про кого не знал, зато она знала про всех всё.

«Пора идти... Меня ждут»

Мирра взяла, наконец, себя в руки и распахнула дверь.

В зале висела тишина. Казалось даже, что никто не дышал...

Она молча села на своё место, и внимание всех присутствующих сосредоточилось на ней. В зале похолодало, а пламя свечей как будто замерло и устремилось ввысь.

– Кто первый?

Люди задавали свои вопросы, получали ответы. Некоторые из них плакали, некоторые облегчённо вздыхали.

Сеанс проходил как обычно и ничем не отличался от прежних, но её волнение нарастало.

– Последний вопрос на сегодня, – Мирра устала, и пора было заканчивать. Она внимательно посмотрела на элегантную даму средних лет, которая явно хотела что-то спросить, но никак не могла решиться.

Дама едва слышно произнесла:

– Я хочу узнать, жив ли мой муж. Он год назад уехал в Париж, и с тех пор от него нет никаких вестей...

Мирра закрыла глаза, настраиваясь на контакт. После продолжительной паузы в голове зазвучали слова:

«Её мужа нет...»

А потом появилось ощущение, что дух хочет сказать что-то ещё, и она не спешила выходить из транса.

«А твой сын жив... скоро придёт...» Мирра лишилась чувств.

В юности она была балериной, унаследовав талант от своей прабабушки Анастасии Новицкой. В семейных архивах до сих пор хранятся газеты тех лет с восторженными отзывами театральных критиков.

Окончив хореографическое училище, Мирра, так же как прославленная прабабушка, стала служить в театре. Хрупкая, нежная, с живой мимикой и редким артистизмом – каждым своим появлением на сцене она покоряла сердца зрителей.

Лоренцо Левек был большим поклонником русского балета. Когда ему приходилось по делам бывать в России, он никогда не упускал возможности посетить театр.

Так они и познакомились. Мирра писала потом в дневнике:

Он сразу покориł меня своим темпераментом и решимостью. Ах, эти пронзительные карие глаза! А голос... его мягкий бархатистый голос пленяет и обезоруживает. Кажется, я влюбилась...

Она совсем потеряла голову и ни о чём не спрашивала Лоренцо. Любовь была вечной, беспредельной и не имела границ!

Когда Мирра поняла, что ждёт ребёнка, любимого не было рядом, и она не знала, как сообщить ему об этом.

Роды были очень тяжёлыми, Мирра часто теряла сознание, а когда приходила в себя, боль была невыносимой, разрывающей на части... в забытии было легче...

– Где мой ребёнок? – сухими губами, почти беззвучно спросила она, когда пришла в сознание на следующий день.

– Ваш мальчик родился мёртвым, – буднично ответил ей безразличный голос.

На сцену она больше не вернулась. Жизнь для неё осталась и потеряла смысл. Дни тянулись медленно и вязко, Мирра почти не выходила из дома. Её лицо, такое нежное и живое прежде, стало похожим на застывшую маску.

«Лоренцо теперь никогда не приедет... Не простит меня...»

Через плотные шторы не пробивался ни один луч. С недавних пор дневной свет стал вызывать у неё неприязнь. Мирра сидела за большим столом и наблюдала за танцующим пламенем свечи. С того рокового дня прошло уже почти три года...

«Интересно, я ещё когда-нибудь смогу почувствовать радость?» – возникла в голове необычная мысль.

Свеча внезапно затрещала, разбрасывая искры во все стороны, и сквозь этот треск она услышала:

– Да.

«Кто это? – Мирра посмотрела по сторонам. – Послышалось...»

– Нет.

Сердце стукнуло где-то в горле, и от этого по телу вдруг пошла горячая волна. Кончики пальцев отозвались пронзительной болью – в них словно по капле возвращалась жизнь. Стало невыносимо жарко, она резко встала, откинула шторы и распахнула окно!

Невероятной красоты закат ворвался в комнату и залил её алым цветом, отражаясь во множестве зеркал. Мирра впервые улыбнулась.

Она начала оживать. Тот, кто тогда заговорил с ней, был теперь всегда рядом. Постепенно возвращались чувства и желания. Хотелось что-то делать. Но в театр дорога была закрыта, её время ушло.

Мирра решила начать новую жизнь, вот только сначала надо было избавиться от того, что напоминало ей былые дни – от воспоминаний становилось больно... Она сняла со стен все свои афиши и портреты.

«Нужно всё это убрать на чердак!»

На чердаке пахло пылью и старым деревом. Пол под ногами поскрипывал, отвечая на каждый её шаг. Мирре хотелось убрать прошлое подальше, и она подошла к старинному шкафу, который высился в самом дальнем углу. Лестница была шаткой и очень тяжёлой. Мирра попыталась придвинуть её поближе, но не смогла удержать, и лестница, с грохотом, всей своей тяжестью упала на шкаф. Тот вздрогнул, и сверху что-то посыпалось. От неожиданности Мирра зажмурилась.

Это были карты. Старинные, потёртые, хранящие множество тайн. Мирра подняла одну из них. На карте была изображена красивая темноволосая женщина с поднятым мечом в руках. Внизу было написано: «Королева мечей».

«Что это?» – пронеслось у неё в голове.

– Это твоя новая жизнь, – ответил ей голос.

Мирра дотянулась до ещё одной карты. Мир. Двадцать первый аркан.

Картинки будущего замелькали перед её глазами.

«Твой сын жив...» – пульсировало в голове.

Мирра в волнении меряла шагами комнату. Предчувствие не давало ей остановиться. Сердце стучало так, что темнело в глазах.

«Зачем ты дал мне надежду? Это жестоко!» Голос молчал. Тогда она взяла карты. Но и они молчали...

День тянулся невыносимо долго. Мирра прислушивалась к шагам на улице и замирала в ожидании звонка в дверь.

Её взгляд упал на конверт с сургучовой печатью в виде лисы. Бал...

Мирра знала, что на этом балу что-то случится. Что-то очень и очень важное.

«Я же хотела отправить кое-что Грете фон Миллер... Надо поддержать девочку...»

Она открыла сейф, достала оттуда коробочку, аккуратно упаковала и вызвала посыльного. Эти простые действия на

какое-то время отвлекли от тревожного ожидания.

«Интересно, какой он... мой сын...»

Сын... это слово она запрещала себе произносить даже мысленно и сейчас словно пробовала его на вкус. Оно было сладким и горьким одновременно.

«Нужно приоткрыть дверь, чтобы не вздрагивать от каждого шага...»

Над городом пламенел закат. Такой же она видела только однажды... в тот день, который навсегда изменил её жизнь.

Стало спокойно. Всё случится так, как должно.

И в этот момент в арке раздались торопливые шаги. Во двор, тяжело дыша, вбежал юноша. Он был красив и строен. Казалось, что юноша знает, куда спешит, но вдруг нерешительно замер напротив её двери.

– Я знала, что ты придёшь...

Амалия 2017 г.

Ad astra

К звёздам

Хорошо, когда твоя подруга – астролог... любой был бы рад. Но Амалия ценила Лильку за чувство юмора, эрудированность и лёгкий характер. А в астрологию не верила.

Когда они познакомились, Лиля постоянно ей предлагала составить натальную карту, но Амалия отмахивалась. Подруга недоумевала, потому что обычно этого хотели все. Запись к ней была заполнена аж на два месяца вперёд.

Тебе такой знаменитый астролог сам хочет карту составить, а ты отказываешься, – с пафосной интонацией, пытаясь сдерживать улыбку, говорила Лиля.

– Человек должен сам чувствовать свою жизнь, – неизменно отвечала Амалия.

– Но с картой же удобнее ориентироваться!

– У меня есть карты.

– Вот. В Таро же ты веришь?

– Это другое...

Примерно так заканчивался каждый их диалог на эту тему.

По деревянным перегородкам вились лианы, на полу лежали яркие разноцветные ковры ручной работы, стеллажи

вдоль стен были заполнены старинными книгами. Приглушённый свет создавал ощущение, что ты не в Москве на Таганской, а где-то на веранде южного города.

– Маль, а почему мы раньше тут не были? – спросила Лиля, рассматривая визитку, на которой витыми буквами было написано:

«Ресторан «ШЕШ-БЕШ»

Музыка необычайной красоты, какая может быть только на востоке, мягко окутывала всё пространство, но не мешала разговаривать.

– А давай твой день рождения тут отметим? Красиво же!
– увлечённо продолжала Лиля.

Амалия задумчиво молчала, рассматривая старинный бокал с вином в своей руке.

– Как у тебя вчера всё прошло? – поменяла тему подруга.

– Как обычно...

– А подробнее? Машина крутая?

Амалия кивнула.

– В какой ресторан ходили?

– В «Турандот».

Лилька даже присвистнула.

– Так чего грустная-то? Страшный что ли? Или старый?

– Да нет... Молодой... симпатичный...

– Так что тебе опять не так?!

– Тоска какая-то...

Если бы Амалия воспринимала жизнь, как её подруга, то,

наверное, всё было бы по-другому. Она нравилась мужчинам, и любая на её месте была бы счастлива.

Официантка в национальном костюме поставила перед ними дымящееся ароматное блюдо.

– Лиль, а составь мне карту...

Подруга выразительно подняла бровь:

– Да лаааадно... Сегодня что, парад планет? Я что-то пропустила? – не смотря на свои шутки, Лиля понимала, что раз уж до этого дошло, значит всё очень серьёзно.

Она деловито достала планшет и через некоторое время перед ней были все расчёты и схемы.

Амалия затянулась очередной сигаретой и медленно выдохнула дым.

– Я так понимаю, нас интересует седьмой дом... – Лилька намётанным взглядом окинула результат, – так... теперь понятно, почему тебе никто не нравится.

Амалия вопросительно взглянула, но промолчала.

Не отрываясь от экрана, Лилька одной рукой наощупь достала сигарету из пачки и тоже закурила. Она уже много лет занималась астрологией, но чем глубже в это погружалась, тем сильнее становился азарт.

– Чтобы у тебя были хорошие отношения, – авторитетно начала Лилька, – нужно... чтобы было что-то большее, чем отношения.

– Да... гениально. Вот теперь всё понятно... – Амалия рассмеялась.

– Погоди. Вот... когда ты найдёшь что-то большее... тогда всё и будет!

– Звучит, как тост! Давай выпьем. – Амалия подняла бокал.

Лилька нисколько не обиделась на колкость. Несмотря на свой опыт, она никогда не встречала подобных соединений планет.

– Маль, твоя карта реально уникальна. Ты послушай, что там дальше. Ты найдёшь большее, чем отношения, когда... отправишься туда... куда нельзя попасть. И сделаешь то, что должна сделать, – Лилька слушала сама себя и благодарила судьбу, что это не клиент, а подруга. Действительно, абракадабра какая-то...

– Ладно... я всегда знала, что астрология – это не моё, — улыбнулась Амалия. – Зато настроение улучшилось. Давай ещё вина закажем?

Лиля выключила планшет и одним глотком допила остатки в бокале:

– Давай! Слушай, а у тебя карты с собой?

Амалия расхохоталась и достала из сумки колоду.

Анна Архиповна Светлова (десятый) 1913 г.

Aut inveniam viam aut faciam

Или найду дорогу, или проложу её сам

– Барышня, Агриппина Львовна Вас к себе требует, – голос горничной Маши отвлёк Анну от невесёлых мыслей.

Тётушка восседала в гостиной, похожей на музейный зал, где всё блестело, но казалось неживым. Она смерила Анну быстрым и оценивающим взглядом опытного аукциониста.

– Платье доставят в три. Парикмахер будет в пять. Ты, Анна, осознаёшь важность момента? – тон её голоса был холоден, как металл и не терпел возражений.

У Анны закололо в пальцах.

– Завтра соберётся цвет общества, – продолжила тётушка. – Твоя задача – произвести благоприятное впечатление. Твоя учёность и простота... – она чуть поморщилась, – должны быть поданы, как достоинство. Как редкая викторианская роза. Помни об этом!

Анна молча кивнула, не в силах пошевелиться. Для тётушки она была всего лишь непонятым предметом, который нужно выгодно продать.

– Ступай, – довольная произведённым впечатлением, разрешила тётушка.

У Анны закололо ещё и в ногах, но она не хотела, чтобы Агриппина Львовна заметила её состояние и ровным спокойным шагом пошла к двери.

Её комната выходила окнами на Английскую набережную и была уютным островком в чужом море. На туалетном столике, среди дорогих флаконов, купленных для неё тётей, лежал подарок отца – потрёпанный томик Тютчева. Анна провела пальцами по шероховатой обложке, и сердце сжалось от тоски. Завтра будет бал. Это тревожило и пугало.

Анна села на стул и воспоминания понеслись бурным потоком...

...Прошло уже полгода, как умер отец, и тётушка, Агриппина Львовна, решительной рукой перекроила её жизнь, увезя из родового имения в Вятской губернии в этот холодный серый город.

Двадцать два года Анна прожила в тишине библиотек, в обществе отца профессора и старой няни, в мире, где главными ценностями были доброта, мудрость и долгие глубокие беседы у камина.

Её мир был понятен и прост. Она чувствовала любовь и поддержку своего отца. Они остались вдвоём после того, как от скоротечной чахотки умерла её мать. Анне было тогда пять лет.

От того времени у неё осталось лишь смутное, но тёплое ощущение: нежный голос, напевающий колыбельную, запах

лаванды и огромная, пронизывающая всё вокруг любовь, которая жила между родителями.

После смерти матери в доме надолго воцарилась тишина. Второй раз Архип Петрович не женился. Он сосредоточил всю нежность и заботу на дочери и дал ей блестящее образование, какое редко получали даже мужчины. Он был другом, наставником и щитом. Теперь, когда отца не стало, щит исчез...

После неизбежной и неприятной процедуры примерки платья – воздушного, бледно-голубого, которое сделало её похожей на дорогую конфету, Анна сбежала в свою комнату. Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, словно пытаясь удержать напор целого мира. Сердце бешено колотилось.

«Выдать замуж...» – тётнины слова звенели в ушах.

А что она знала о замужестве? Лишь то, что читала в романах, где любовь всегда побеждала. Но тётушка говорила о расчёте и статусе. Так что ей предстояло отдать свою жизнь незнакомому человеку, делить с ним кров, трапезу, ложе... Жар ударил в лицо. Она сжала кулаки, чувствуя ледяной ужас.

И снова воспоминания захлестнули Анну...

...Агриппина Львовна, сестра покойной матери, явилась в родовое имение на похороны Архипа Петровича с видом

полководца, по-хозяйски.

– Бедная, бедная сиротка! – восклицала она, окидывая взглядом скромную обстановку кабинета отца. – Одна в этой глуши, без покровителя! Я не могу этого допустить. Ты едешь со мной в Петербург. Там тебя ждёт будущее...

Едва Анна переступила порог петербургского дома, как тётушка уже вела переговоры. Первым и самым «блестящим» кандидатом стал некто Демьян Дормидонтович, нотариус, человек пятидесяти лет, с влажными руками и взглядом, который ощупывал её, словно вещь. Он был вдвое старше Анны, состоятелен и, по словам тётушки, «искал скромную, благовоспитанную жену для порядка в доме».

– Он – золотая жила, Анна, – наставляла её Агриппина Львовна, поправляя брошь на своем боа. – Солидное положение, связи. В его доме ты не будешь знать нужды. А твоя учёность... ну... это можно как-нибудь сгладить... Мужья не любят, когда жёны слишком много думают. Девушки из приличных семей... – на этой фразе тётушка запнулась, смутилась и даже покраснела, – хотя... и в благородном семействе бывает паршивая овца, вон как у фон Миллеров...

– О ком Вы, тётушка? – заинтересовалась Анна.

– Да Грета... Господи её прости. Младшенькая... Сбивает приличных девушек с толку стишками своими, будь они неладны.

Анна отметила себе, что нужно где-то найти эти стихи и почитать.

От мысли о том, что придётся стать женой молчаливого холодного человека, Анну мутило. Жизнь превратится в тихое, безнадёжное служение. Там не будет места её книгам, мыслям, её жизни, а душа медленно засохнет, как цветок в гербарии.

Анна посмотрела в окно. Петербург жил как обычно, не подозревая о буре в душе одной никому не известной девушки. За окном был октябрь, город казался бесцветным. Дождь, то мелкий и назойливый, то переходящий в косые, хлёсткие струи, не прекращался с утра. Он размывал контуры домов, превращал гладь каналов в рябую, грязновато-стальную поверхность. Мокрые мостовые блестели, а прохожие серыми тенями спешили по своим делам.

Тоска по дому снова охватила с невероятной силой. В родной Вятской губернии октябрь был совершенно другим. Там природа не тосковала по уходящему лету, а запах влажной земли после дождя приносил покой и умиротворение. Жизнь шла в согласии с природой, каждый сезон дарил своё очарование и неповторимое настроение.

Петербург же был прекрасен, как гравюра, но в нём не было жизни, не было тепла. Ей казалось, что она сама начинает медленно сереть, растворяться в этой бесцветной мгле, теряя последние капли себя.

Анна со смущением вспомнила вчерашнее посещение Модного Дома г-жи Смирницкой. Они с тётушкой пришли туда, чтобы выбрать Анне шляпку. От феерии цветов и

огромного количества всего у неё сразу закружилась голова. Витрины пестрели яркими шляпками, платьями, сшитыми по последней моде, дорогими сумочками и всевозможными перчатками. Манекены были задрапированы тончайшими тканями, на которых слегка колыхались перья роскошных боа.

Модный дом был очень популярен, и над дверью то и дело звенел колокольчик. Госпожа Смирницкая приветливо встречала всех посетителей, казалось, что она знает каждого, не только его вкусы в одежде, но даже и то, предпочтёт ли гость сейчас кофе или чай.

Анна прислушалась к беседе госпожи Смирницкой с некой дамой, которая никак не могла определиться с выбором шляпки. Та примеряла шляпку, которая совершенно ей не шла и подчёркивала возраст.

Госпожа Смирницкая старалась мягко направить её внимание на другие модели. Но дама настаивала и, в поисках поддержки, обернулась в сторону Анны и Агриппины Львовны.

– Сударыни, как вы полагаете, мне к лицу эта шляпка? Тётушка фальшиво улыбнулась, намереваясь ответить, но Анна опередила её:

– Нет, – не задумываясь выпалила она.

Лицо Агриппины Львовны пошло пятнами:

– Простите мою спутницу, она совсем недавно в столице и ещё не умеет вести себя в приличном обществе, – заиски-

вающе пропела тётушка, бросила на Анну гневный взгляд и потащила её к выходу.

– Как тебе не стыдно говорить такие вещи?! Кто тебя такому научил?! – выйдя на улицу, возмущалась она.

– Но ведь это же правда... – тихо произнесла Анна.

– Да кому нужна твоя правда, когда есть пра-ви-ла! Правила приличия! – вскипела тётушка. – Позор-то какой! – прошипела она, заталкивая Анну в карету.

– Барышня, парикмахер пришёл! – голос горничной Маши прервал неприятные воспоминания.

Процедура укладки и завивки показалась Анне ещё более мучительной, чем примерка платья. Парикмахер привычными движениями превращал её скромную, но удобную причёску в сложное архитектурное сооружение. Она сидела перед зеркалом, наблюдая, как становится идеально причёсанной куклой. Это была маска, которую на неё надевали для спектакля. Внутри всё сжималось от протеста.

Тётушка то и дело давала указания:

– Больше объема у лица! Бриллиантовые шпильки!

Они подчеркнут её скромность, но сделают дороже.

Анна молча терпела и вспоминала слова отца о силе духа, который ничем нельзя сломить. Что ей делать на этом балу? Строить из себя пустую светскую барышню или остаться собой?

Нет, она не будет кокетничать и блистать. Она будет боль-

ше молчать, но если спросят, всё равно будет говорить то, что думает.

Парикмахер закончил возиться с причёской.

– Прэлэстно! Завтра сделаем ещё лучше! – воскликнул он.

Тётушка довольно улыбнулась.

И в этот момент Анне пришла идея.

Наконец все ушли. Ночь окутала Петербург, город заснул, и только огни фонарей отражались в тёмных водах Невы. В комнате воцарилась долгожданная тишина. На стуле, как призрак, висело бледно-голубое платье.

Анна подошла к зеркалу, расчесала свои уставшие от укладки вымытые волосы и решительно, без сожаления, отрезала их.

Взгляд её упал на белый запечатанный конверт, который она не заметила в дневной суете. Это было письмо из имения, от её любимой няни...

Анна перечитала письмо несколько раз. Слезы навернулись на глаза, но это были слёзы облегчения. Няня, словно почувствовав её смятение, протянула ей руку через сотни вёрст. Анна была не одна. Настоящая жизнь и её корни – с ней, в этих простых, тёплых словах.

Анна достала портрет отца, который привезла с собой.

«Что со мной будет дальше, папа?»

Его спокойные, мудрые глаза смотрели с уверенностью и добротой.

И тут... мысль ударила с такой ясностью, что Анна выпря-

милась и широко раскрыла глаза.

А ведь у неё ЕСТЬ дом, яблоневый сад, поля, уходящие к лесу... И это – её! Только её! И что спасение – стать хозяйкой самой себе.

Да, она женщина, и общество считает её неспособной управлять имением. Но разве отец не учил вести расходные книги и счета? Разве она не знала агрономии лучше иного управляющего? Анна могла бы нанять помощника, жить скромно, но независимо. И самой отвечать за свою судьбу.

Мысль была настолько простой и освобождающей, что у неё перехватило дыхание. Это был выбор в пользу себя. Она больше не «бедная сиротка». Она – Анна Светлова, владелица имения. И этот титул дороже любого княжеского.

Начиналась новая жизнь.

Азалия Дмитриевна Смирницкая (девятый) 1913 г.

Memento amore

Помни о любви

Звон.

Где-то бесконечно далеко... Он столь тих, что невольно кажется, будто воображение играет какую-то шутку. Опавшие листья шуршат монотонно и уныло. Спокойно движется по своим делам разноцветный, красно-жёлтый ковёр, подгоняемый ленивым осенним ветром, ещё не ледяным, но всё же пробирающим насквозь.

Звон повторяется... Он – уже не иллюзия, не игра, не шутка. Он сводит с ума. Один удар – дзинь, и эхо – дзинь, дзинь, дзинь... Один едва уловимый удар, но какой шквал эмоций, какая гамма чувств, сколько... сколько воспоминаний...

Азалия Дмитриевна медленно шла вглубь сада, разгоняя листья, кутаясь в пальто. Утро было холодным.

«Наверное, уже около пяти...»

На несколько секунд она остановилась, тяжело вздыхая, вздрагивая, но уже не от ветра. В маленькой лужице, чуть прикрытой разношёрстным ковром, отразилась изящная линия губ, подведённых модной нынче помадой цвета бордо. Тёмные круги под ярко-зелёными глазами. Разбросанные по

вороту волнистые, с рыжим отливом волосы. Она вгляделась в отражение и не смогла определить то чувство, которое выражал её странный взгляд.

Андре бы смог... Он бы точно смог.

Ветер, листья, дождь, звон – и всё, казалось уже стёртое навеки, начало постепенно оживать в её памяти.

– Лилу, я люблю Вас! Я люблю Вас страстно, глупо, безумно! Да, да, вот уже два года я с ума схожу! Вы так близки и так далеки от меня... без Вас я погибну! – восклицал Яков Львович Смирницкий – статный высокий мужчина.

– Сударь, Вы знаете... любовь – странная штука. Подобно танцу, она имеет свой ритм, своё дыхание, свою великую музыку. Но, как и танец, она невозможна без всей полноты чувств, без горящего огня в самом сердце! – театрально вздохнув, ответила юная танцовщица.

Стук каблуков. Полёт юбки. Гитарная трель. Звон бокалов. Богемные улыбки, томные вздохи – Лилу покорила публику с первого своего появления на сцене кабаре. Она всем сердцем любила эту атмосферу: соблазнительный аромат духов, табака и алкоголя, ощущение вечного нескончаемого праздника – атмосферу свободы и отказа от условностей.

В их кабаре над входом тогда висел плакат: «Все между собой считаются знакомы», что создавало ощущение некой интимности.

– Милая Лилу! Если бы жаром моего сердца можно бы-

ло плавить золото, во всей Сибири не осталось бы уцелевших рудников! – Яков Львович не оставлял попыток покорить сердце неприступной красавицы.

– Яков Львович... Вы удивительно настырный для человека вашего возраста, положения и кошелька! – заливалась смехом Лилу.

– Вы сами изволили отметить, что любовь – штука странная. И приходит она, скажу я Вам, внезапно, как первые заморозки в сентябре. Я не мальчик, я много любил и влюблялся. Не знаю, какой заколдованный цветок бросили мне Вы. А я... я его поймал. Лилу! Вы – всё для меня! Я не владею словом так, как пленивший вас Бальмонт, но слово моё крепче стали! Лилу, молю Вас, выходите за меня!

Его полыхавшие жидким золотом глаза, невольно заражали всей огненной палитрой чувств.

Лилу уже не помнила, что именно тогда решила для себя. Хотелось ли ей связывать себя узами брака с кем-либо? Или что в любви, говоря словами известного писателя, всегда есть тот, кто любит и тот, кто любить себя позволяет? Что со временем сможет ответить ему взаимностью? Или в тот момент она просто жертвенно решила составить счастье другого?

– Азалия Дмитриевна, непременно примерьте это платье! – Яков восторженно перевёл взгляд в сторону манекена, на котором висел наряд из последней коллекции известного

французского кутюрье. Платье из роскошного синего бархата, украшала золотая вышивка и кружево.

– Яков Львович, я.... – Азалия Дмитриевна попыталась возразить, но он прервал её.

– Оно будет достойной оправой Вашей красоте! – Яков решительно направился к хозяйке дома Моды. – Мадам, будьте любезны завернуть нам этот наряд!

Они вышли на улицу, провожаемые восхищённо-завистливыми взглядами.

Азалия Дмитриевна хорошо запомнила этот момент. Момент, когда поняла, насколько по-разному они ощущают мир. В тот день её жених спокойно заплатил больше ста пятидесяти рублей за платье, которое превратило Лилу в светскую даму Азалию Дмитриевну. В нём она чувствовала себя неестественно и при других обстоятельствах не надела бы, даже если бы весь её гардероб сгорел. Однако для Якова Азалия Дмитриевна была восхитительна в любом образе, любовь стала для него источником радостей, тревог и печалей, без которых жизнь была бы скучна и однообразна. Он дышал ею.

А что Азалия? У неё не было иллюзий, но она хотела верить, что его пылкой любви хватит на двоих.

И это случилось...

– Так нужно, Азалия Дмитриевна.

– Но почему именно сейчас?

– Дела в Нерчинске не могут ждать. Я уеду всего на месяц, а когда вернусь, обещаю – мы сыграем такую свадьбу, какой Санкт-Петербург ещё не видел!

– Яков... Я буду...

– Не волнуйтесь. Я дал Вам слово, душа моя. А моё слово крепче стали!

Он уехал, потому что так было надо. Уехал, оставив её одну.

Письмо Азалия получила к концу того рокового месяца. В нём сообщалось, что судно с товарами, закупленными Яковом для продажи местным купцам, затонуло близ Нерчинска. Во время поисковой экспедиции, трос лебёдки неожиданно оборвался, сильно поранил Якова и отбросил его в ледяную воду.

Ещё и ещё раз вчитываясь в скупой абзац, рассказывавший о состоянии Якова, Азалия не понимала, что с ней происходит. Все мысли растворились в одно мгновение. Всё исчезло, осталась лишь пустота, внезапно ослепившая её.

«Почему эти слова про его неспадающий жар, про бред, в котором он мечется и зовёт меня сквозь стоны и хрипы, так нещадно заставляют колотиться моё сердце? – думала она, – что значит для меня этот человек, находящийся между жизнью и смертью?..»

Она продала то самое синее бархатное платье и тут же выехала в злополучный Нерчинск – этих денег как раз хватило.

С трудом добравшись до места, Азалия застала Якова в

крайне тяжёлом состоянии: он лежал в окровавленных бинтах, а тело покрывали жуткие синяки и ссадины. Он бредил. Его выхаживала местная тунгусская знахарка.

Сутками просиживая у постели Якова, Азалия держала его руку и молилась только об одном – чтобы он остался жив. Молилась, заклинала, пока тот через три дня не открыл глаза, чтобы накрыть её ладонь своей.

– Азалия Дмитриевна... Вы здесь...

– Молчите, молчите, Яков Львович, берегите силы. Я рядом... я с Вами...

– Теперь всё будет хорошо... – его глаза – расплавленное золото, были полны благодарности, надежды и... облегчения.

Почему люди любят? Чтобы не быть одинокими? Или они жаждут чего-то более высокого и призрачного, что нельзя выразить словами? Вот и Азалия не знала, что такое настоящая любовь, пока не поняла, что вот-вот может потерять того единственного, кто был готов ради неё на всё.

– Азалия Дмитриевна, ангел мой. Если б Вы только знали, как я люблю Вас... – его глаза увлажнились.

– Знаю... – прошептала она и добавила, – я тоже... тоже люблю Вас.

Яков окончательно поправился через несколько недель. За это время он потерял большую часть своего состояния. Но Азалию это совсем не волновало.

«Главное, что он жив. И что мы любим друг друга...» –

счастливого думала она.

Вскоре, после возвращения из Нерчинска, они сыграли скромную свадьбу. Впервые в жизни Азалии не хотелось шумного праздника.

«Яков... мой дорогой Яков! Столько лет прошло... Ты по-прежнему уважаем, влиятелен, о тебе пишут в газетах. Никогда не тратя жизнь на «светские развлечения», ты упорно шёл к своей цели. Вера в себя, порой граничащая с помешательством, сделала тебя успешным золотопромышленником, охватившим всю Сибирь. И любовь твоя ко мне не угасла...» – думала Азалия Дмитриевна, присев на скамейку, припорошённую опавшими листьями.

За эти годы танцовщица Лилу стала знатной дамой, красивой женщиной и хозяйкой престижного Модного дома, где одевается вся петербургская знать. Она блистала на светских балах... Но даже при всём этом блеске, роскоши и благополучии, порой чувствовала себя не на своём месте.

Часть её сердца осталась там, на сцене, где она горела танцем, где звучала музыка и слышались овации восторженного зала, где остался праздник.

Взмах ресниц... Удар каблуков... Огонь юбки... Полёт рук... Ритм, как биение сердца... Поворот... Искра взгляда... Ослепительная улыбка...

Азалия Дмитриевна не часто позволяла себе возвращаться к этим воспоминаниям, но в памяти по-прежнему всплы-

вали яркие картины из её прошлой жизни.

Сидя на скамейке под яблоней, в самом сердце сада, Азалия вспоминала: «Десять лет назад мы посадили это дерево вместе... И теперь его крона укрывает меня от хлынувшего дождя. Яков... Я всегда знала, что рядом есть ты – тот, кто будет держать за руку даже в самые трудные времена. Ты тот, кого однажды выбрало моё сердце. Так зачем, зачем мне нужно было всё портить? Какая же я... Господи, неужели всё, что я могу, это корить себя?»

Азалия познакомилась с Андре в доме, овеянном таинственным ореолом. Салон г-жи Новицкой привлекал многих столичных искателей мистики.

– Вы выглядите необычно для подобного места, – прозвучал мягкий бархатистый голос.

– А Вы – для жителя Санкт-Петербурга...

– Андре.

Молодой красивый мужчина поклонился и поцеловал ей руку.

– Белла... – как будто издалека слышала она свой голос.

Почему она так сказала? Даже по прошествии времени это осталось для неё загадкой.

– Интересное имя. Не окажете ли честь прогуляться со мной по этому дивному городу? – он не мог отвести от неё взгляда.

– Месье... Откуда Вы взялись?! Я замужняя женщина! – смутилась Азалия.

– В моих словах нет злого умысла...

– Ещё час назад я и не подозревала о Вашем существовании! – она чувствовала, что начинает тонуть в его бездонных глазах.

– Но разве одна прогулка может навредить?

– Что ж... Возможно, Вы правы... Вы впервые в наших местах?

Андре прибыл из Парижа, хотя родился здесь, в Северной столице. Он был художником. Человеком с необычным видением жизни.

Они шли по Набережной и говорили так, словно были знакомы давно.

Андре... его тёплые, манящие глаза цвета лазурного неба... Азалия увидела в нём отражение себя. Он был охвачен страстью к делу, которому отдавал душу, как и она когда-то, в те времена, когда танцевала. Может, эта краткая вспышка ностальгии и стала той искрой, которая разожгла давно заснувшие мечты? Ничто в её размеренной жизни не приносило столько живых и прекрасных ощущений, как разговоры с Андре.

– И не говорите, милая Белла! Творчество смывает пыль повседневности с души...

– Как же точно Вы изволили выразиться! – её новое имя музыкой звучало в его устах.

– Это не я. Это Пикассо. И я согласен: точнее не скажешь,
– Андре взял её за руку, – если живёшь лишь будничными
заботами, жизнь может стать бессмысленной и пустой.

– И что Вы предлагаете? – Азалия замерла.

– Я не предлагаю. Я знаю. Только любовь способна...

– он на секунду задумался, – напоить живой водой!

С того момента, приходя в салон г-жи Новицкой, Азалия считала минуты в ожидании, когда колокольчик у двери зазвонит, и знакомая фигура в модном фраке появится у входа.

Андре жил в мастерской на Невском, которую недавно арендовал, и вскоре Азалия стала частой её гостьей. Однажды он предложил написать её портрет... Страсть охватила их мгновенно и напроць лишила рассудка.

В сладком безумии пролетающих дней, Азалия не узнавала себя. Она рассеянно улыбалась, смеялась невпопад, а иногда на её глаза неожиданно набегали слёзы...

Через полтора месяца вся мастерская Андре была увешана её портретами и карандашными набросками.

– Любовь – штука странная... Её невозможно найти, она приходит сама... – задумчиво говорил он.

– И не спросит согласия, и всю жизнь перевернёт, – добавляла она.

Азалия погрузилась в омут радости и отчаяния, счастья и муки, тоски по чему-то яркому и бесконечных уколов совести... Иногда у неё даже появлялась мысль прекратить эти встречи в мастерской, но это было выше её сил.

Каждый раз, целуя Якова Львовича перед его выходом из дома, сердце Азалии сжималось. Его заботливая, надёжная любовь, к которой она привыкла и страстная любовь Андре, чьё пламя согревало отвыкшее от жара сердце и чьи слова эхом звучали в ней – медленно и мучительно раздирали душу на части.

Яков предупредил, что через неделю у них состоится семейный ужин, на котором он хотел бы представить особого гостя. Азалия с удовольствием окунулась в привычную домашнюю суету, забыв на время о своих переживаниях. Она легко порхала из комнаты в комнату, отдавая распоряжения, как и тогда, девятнадцать лет назад, когда она только стала хозяйкой этого большого дома.

И вот этот вечер настал. Вечер, изменивший всё...

– Азалия Дмитриевна, душа моя! – родной голос мужа окутывал теплом и уютом, – Вы сегодня как-то особенно прекрасны! Блеск Ваших глаз напоминает мне то далёкое время, когда я безоглядно влюбился в красавицу Лилу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.